

ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИЕЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

В. А. Смирнов

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Россия, 119234, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33
kano_igt@mail.ru*

Аннотация. Трансформация жизнедеятельности современных обществ, связанная с технологическим развитием, цифровизацией, эскалацией геополитической напряженности, актуализирует молодежный вопрос и формулирует новые вызовы перед системой государственной молодежной политики. В этом контексте важной исследовательской проблемой становится анализ соответствия целенаправленных действий государства в области социализации молодежи тем социокультурным особенностям, в которых находится современная Россия. В статье анализируются основные этапы реализации молодежной политики в новейшей истории страны, выделяются ее ключевые дисфункции и противоречия. Особое внимание в статье уделяется анализу теоретико-методологических подходов к концептуализации молодежной политики одного из ведущих российских социологов молодежи Ю.Р. Вишневого. Опираясь на анализ последних работ ученого, автор статьи интегрирует его идеи, пытается на их основе выделить особенности современного этапа реализации российской молодежной политики, а также наметить направления ее развития. Анализ отдельных исследований уральской школы социологии молодежи, а также собственные разработки автора позволили сформулировать в статье ключевые принципы реализации национально-ориентированной молодежной политики в контексте современных социальных трансформаций.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, студенчество, уральская школа социологии молодежи, профессор Вишневский

Для цитирования: Смирнов В. А. Основные противоречия и принципы управления реализацией молодежной политики в российских университетах // Университетское управление: практика и анализ. 2026. Т. 30, № 1. С.5–15. DOI 10.15826/umpa.2026.01.001.

THE MAIN CONTRADICTIONS AND PRINCIPLES OF MANAGING THE IMPLEMENTATION OF YOUTH POLICY IN RUSSIAN UNIVERSITIES

V. A. Smirnov

*Lomonosov Moscow State University,
Russia, 119234, Moscow, Leninskie gory, MSU, 1. p. 33
kano_igt@mail.ru*

Abstract. The transformation of the vital activity of modern societies, associated with technological development, digitalization, and the escalation of geopolitical tensions, actualizes the youth issue and formulates new challenges to the system of state youth policy. In this context, an important research problem is the analysis of the correspondence of the purposeful actions of the state in the field of youth socialization to the socio-cultural features in which modern Russia finds itself. The article analyzes the main stages of youth policy implementation in the country's recent history, highlights its key dysfunctions and contradictions. The article pays special attention to the analysis of theoretical and

methodological approaches to the conceptualization of youth policy by one of the leading Russian sociologists of youth, Yu.R. Vishnevsky. Based on the analysis of the scientist's recent works, the author of the article integrates his ideas, trying to identify the features of the current stage of the implementation of Russian youth policy, as well as outline the directions of its development. The analysis of individual studies of the Ural School of Youth Sociology, as well as the author's own developments, made it possible to formulate in the article the key principles of implementing a nationally oriented youth policy in the context of modern social transformations.

Keywords: youth, youth policy, students, Ural School of Youth Sociology, Professor Vishnevsky

For citation: Smirnov V.A. The main contradictions and principles of managing the implementation of youth policy in Russian universities. *University Management: Practice and Analysis*, 2026, vol. 30, nr 1, pp.5–15. DOI 10.15826/umpa.2026.01.001 (In Russ.)

Постановка проблемы

Трансформация жизнедеятельности современных обществ, связанная с технологическим развитием, цифровизацией, эскалацией геополитической напряженности, актуализирует молодежный вопрос. Сегодня социальная интеграция молодого поколения обусловлена, с одной стороны, увеличением продолжительности жизни старших поколений, с другой – расширением виртуальности, приводящей к «текучести» молодого поколения, размыванию его границ, диффузии ценностей, стилей жизни, повседневных практик. Усиление информационно-пропагандистского воздействия со стороны недружественных государств также становится значимым контекстом социализации российской молодежи.

В сложившихся условиях российское государство вынуждено решать ряд амбивалентных задач, связанных с социальной интеграцией молодого поколения.

Одна из них обусловлена сохранением баланса в социальной и профессиональной структуре общества, адекватным сочетанием в ней представителей разных поколений. При этом российское государство стоит перед необходимостью постоянного расширения «буферных транзитных зон» для молодежи, с одной стороны, создающих видимость ее участия «во взрослой жизни», с другой – являющихся своеобразным «социальным сейфом», призванным удержать молодое поколение от желания претендовать на престижные позиции в социальном пространстве. Наиболее явным индикатором этого процесса является увеличивающийся нормативный возраст молодости. Если до 2020 года к категории молодежи относились россияне в возрасте до 30 лет, сегодня он увеличен до 35 лет.

Другая задача связана с потребностью в развитии у молодого поколения национальных, культурно-обусловленных диспозиций, что является необходимым условием воспроизводства российского общества. Широкое проникновение в социальную реальность феноменов виртуальности привело к диффузии молодого поколения, сложности

локализации его как отдельной социальной группы, что снижает эффективность управляемых социализирующих воздействий. Если еще 20 лет назад представителей молодого поколения достаточно легко можно было локализовать через такие категории как школьник, студент, участник молодежной субкультуры, член молодежной общественно-политической организации и т.д., сегодня это становится все более затруднительным. И дело даже не в том, что сегодня нет молодого человека, которого можно было бы маркировать как студента, скорее речь идет о том, что, будучи формально проявленным как студент (например, находясь в университете, на лекции), молодой человек одновременно может быть частью десятков виртуальных пространств, перемещаясь между ними с гигабитной скоростью и ежеминутно дрейфуя от одной идентичности к другой. Подтверждением этому являются последние исследования ВЦИОМ¹.

Возникает целый спектр методологических и организационно-управленческих вопросов, связанных с тем, на кого сегодня направлено государственное социализирующее воздействие, как оно преломляется через призму «голосов» инфлюенсеров, ботов, алгоритмов искусственного интеллекта. Не сталкиваемся ли мы сегодня с проникновением виртуальной реальности в социальную, что, в свою очередь, ведет к «фантомизации» [1] пространства социализации современной российской молодежи? Амбивалентность ситуации усиливается тем, что при взаимодействии «лицом к лицу» молодой человек остается понятным, доступным, способным к адекватному тестированию реальности, при попытке же взглянуть на него через социально-групповую оптику или же воздействовать на его ценности как представителя поколения мы неизбежно сталкиваемся с целой чередой цифровых барьеров, которые не всегда преодолимы.

Еще на заре появления новой гибридной аналого-цифровой социальной реальности эту

¹ Живущие в сети или медиапотребление современной молодежи. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (дата обращения: 02.02.2026)

проблематику актуализировал профессор Ю.Р. Вишнеvский. В одном из своих интервью он размышляет о том, почему многолетний мониторинг студенчества Урала не позволил показать динамику социокультурного развития уральского студенчества [2], приходя к выводу о том, что, с одной стороны, необходим новый социологический инструментарий для изучения молодого поколения, а с другой – нужно учитывать наличие у молодежи феноменов социальной инертности и индифферентности, которые еще более усиливаются в современном контексте.

Вышесказанное актуализирует еще один не менее важный вопрос. Что сегодня является «социальным полигоном» для сепарации молодого человека от мира детства, обретения взрослой профессиональной, социальной, гражданской идентичности? На протяжении многих десятилетий XX века им была государственная система социального воспитания, интегрированная в институт образования, сферу профессиональной деятельности (пионерия – комсомол). Сегодня в ситуации эскалации виртуальности ответ на этот вопрос далеко не очевиден и требует своего научного и управленческого осмысления. Другими словами, где сегодня молодое поколение, объективно являясь субъектом общественного воспроизводства, деятельностью решает основные противоречия, возникающие в процессе его социального развития [3]?

Важнейшую роль в этом процессе всегда играл университет. Реализуя функцию формирования интеллектуальной элиты общества, университет со временем начал решать новые социальные задачи, напрямую связанные с реализацией молодежной политики как деятельности по социальному воспитанию молодого поколения. На протяжении прошлого века система высшего образования была ориентирована не только на формирование профессиональных компетенций, но и способствовала становлению молодого человека как гражданина своей страны, готового к творческому преобразованию социальной реальности. Сегодня, в контексте расширяющейся виртуализации, университет является ключевым актором реализации государственной молодежной политики, поскольку именно в этом пространстве молодой человек становится участником реального конструктивного внутр поколенческого и межпоколенческого взаимодействия, субъектом социально-одобряемой деятельности, агентом собственных изменений.

Обозначенные вопросы не исчерпывают всего спектра молодежной проблематики в контексте современности, но задают важный вектор осмысления как теоретико-методологического и методического

аппарата социологии молодежи, так и новых технологий управления социальным развитием молодых россиян.

В рамках настоящей статьи, посвященной памяти профессора Ю.Р. Вишнеvского, одного из отцов-основателей российской социологии молодежи и молодежной политики, представляется важным сформулировать контуры российской национально-ориентированной молодежной политики, цель которой в развитии потенциала молодежи с учетом современного социокультурного и геополитического контекста.

Динамика молодежной политики в новейшей истории России

Ровно 35 лет назад, 16 апреля 1991 года в СССР был принят Закон «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР»², положивший начало новой молодежной политике в современной России. Несмотря на тот факт, что он просуществовал менее одного года, он стал важным символом последующих десятилетий, с одной стороны, актуализируя важность государственной политики в отношении молодого поколения, с другой стороны, определяя пространство дискурса исследователей молодежи, политиков, общественных активистов. Накал дискуссии о необходимости принятия собственно российского закона о молодежи (молодежной политике) зачастую достигал самого высокого градуса, но лишь в 2020 году такой документ появился в российском правовом поле³.

Анализ новейшей истории реализации российской молодежной политики позволяет проследить трансформацию взаимодействий государства и молодого поколения, а также изменение содержания этого взаимодействия.

90-е годы прошлого века были временем значительных социальных потрясений, при этом «молодежный вопрос» был вынесен на периферию общественно-политического дискурса. Лишь начиная с 1996 года появляются первые нормативные документы, регламентирующие молодежную политику, принимается Программа «Молодежь России». Первое постсоветское десятилетие – это время конструирования социальной молодежной политики, во многом по образцу европейских стран, с элементами мобилизации молодого поколения. Самым

² Закон СССР от 16 апреля 1991 г. № 2114- I «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». URL: <https://base.garant.ru/6335136/> (дата обращения: 04.02.2026)

³ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 03.02.2026)

ярким примером такой мобилизации стала избирательная кампания Б.Н. Ельцина 1996 года, проходившая под лозунгом «Голосуй или проиграешь», где впервые в новейшей истории России в качестве доминирующего дискурса использовалась тематика усиления межпоколенческого напряжения, а молодежь позиционировалась как инновационная общественная сила, которая должна выстроить новый прогрессивный социальный порядок.

Механизм работы с молодежью в это десятилетие базировался на создании специализированных молодежных служб, задачей которых была системная работа с молодым поколением, решение его социальных, профессиональных, досуговых проблем. Важной особенностью данного этапа стал отказ университетов от деятельности по социальному воспитанию студентов, замена ее набором развлекательных, досуговых мероприятий. Отсутствие же в вузах системной работы по политической социализации молодежи способствовало радикализации и экстремизации части студенчества.

Начавшаяся в 2000-е годы смена политической элиты актуализировала интерес к молодому поколению. К этому времени система социальных молодежных служб, работающих под эгидой региональных комитетов по делам молодежи, оказалась неспособной вовлечь в свою деятельность значительную часть российской молодежи. Университеты, вошедшие в эпоху «академического капитализма», окончательно отказались от социального воспитания студенчества, молодежные общественные организации оставались малочисленными и не достигали уровня коммунистического союза молодежи. В этой ситуации молодежная политика начала концентрироваться вокруг политических партий, которые стали активно создавать молодежные организации. Необходимость обновления политической элиты привела к тому, что и государство в работе с молодым поколением пошло по пути создания массовых общественных движений, наиболее крупными из которых стали «Идущие вместе» и «Наши». Основная риторика новых движений концентрировалась вокруг миссии молодого поколения и необходимости «сменить у руля управления страной поколение пораженцев»⁴.

Рассматриваемые годы стали временем, когда работа с молодым поколением строилась через модель «уличной политики». Часто минуя созданные ранее государственные молодежные структуры, определенные группы интересов создавали сообщества молодых людей, способных в короткий срок привлечь сверстников для участия

в патриотических митингах, шествиях и т.д. Основным содержанием молодежной политики в этот период становится противостояние «оранжевым» революциям, произошедшим в ряде стран на постсоветском пространстве. В конечном итоге, следуя закону «железной олигархии», новые молодежные движения превратились в бюрократические структуры и, после того, как интерес к ним со стороны указанных групп давления снизился, частично пополнили ряды политической оппозиции.

К середине 2010 годов стало понятно, что модель социальной молодежной политики, решая важные проблемы молодости, не позволяет мягко инкорпорировать молодые креативные группы в социальную структуру российского общества, зачастую наоборот усиливая инфантильность молодого поколения. Попытки ускоренной мобилизации под конкретные сиюминутные задачи также не способствовали развитию межпоколенческой солидарности, создавая «очаги» напряжения в обществе. В этом контексте начался переход к новому этапу, в основу которого легли принципы социального воспитания.

Началось укрепление и развитие региональных органов по делам молодежи, была создана всероссийская организация «Движение Первых», миссией которой стало объединение на общей идеологической платформе детей, подростков и молодежи. Государство обратило внимание на особую роль института образования, усилив воспитательную составляющую через введение специализированных курсов (таких как «Разговоры о важном» в школе, «Основы российской государственности» в университетах) и специализированных должностей (советник по воспитанию). В университетах произошло переосмысление системы университетской молодежной политики и воспитательной деятельности, появились федеральные проекты, например, такие как «Обучение служением», усилилась роль проректора по молодежной политике (университеты-участники проекта «Приоритет 2030» при подготовке программы развития в обязательном порядке включали в нее блок посвященный молодежной политике⁵). Государство запустило и активно реализует механизм «прямого контакта» с молодым человеком через различного рода проектные конкурсы Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), в рамках которых молодые лидеры, инноваторы могут получить грантовое финансирование на реализацию своих идей непосредственно, минуя какие-либо государственные институты.

⁴ Манифест движения «Наши». Идеология. URL: https://vk.com/topic-10948341_21492826 (дата обращения: 02.02.2026)

⁵ Программа «Приоритет 2030». URL: <https://priority2030.ru/> (дата обращения: 02.02.2026)

Развитие российской молодежной политики в новейшее время прошло несколько этапов, при этом представляется возможным выделить ключевые тренды, характеризующие ее.

Во-первых, система работы с молодежью становится все более персонализированной. Это проявляется в широком спектре возможностей для самореализации молодого человека, его включении в различные виды социально-одобряемой деятельности.

Во-вторых, развитие системы молодежной политики идет в сторону расширения проектной деятельности как особой социальной технологии, способствующей включению молодых людей в решение реальных социальных, профессиональных, экономических задач.

В-третьих, значительное внимание государство начинает уделять социальному воспитанию, развитию у молодого поколения национально-ориентированной идентичности, гражданственности, системы ценностей. Большое число проектов связано с развитием патриотизма.

В-четвертых, диффузия молодого поколения, виртуализации жизни ведет к тому, что значительный спектр усилий государства направлен на учащуюся молодежь, поскольку сегодня система образования – одна из немногих институций, где молодое поколение может быть идентифицировано как отдельная социальная группа. В этой связи происходит существенное изменение роли университетов в реализации молодежной политики. Пройдя этап обесценивания социального воспитания студенчества, в последние годы российские вузы становятся ключевыми акторами интеграции молодежи и формирования у нее национально-ориентированной идентичности. При этом важно, что этот процесс становится неотъемлемой частью как образовательной, так и внеучебной деятельности.

Наконец, *в-пятых*, важным трендом современной молодежной политики становится создание развивающей, креативной среды для молодежи. Целый ряд проектов по развитию открытых инновационных пространств для проектной работы, общения, дискуссий позволяет создавать возможности для физического (а не виртуального) взаимодействия молодых людей [4].

Противоречия реализации молодежной политики

Осмывая контуры новой молодежной политики в контексте вызовов, с которыми столкнулась сегодня Россия, необходимо остановиться на отдельных противоречиях при ее реализации.

Первое противоречие между значимой ролью молодежи в процессе общественного воспроизводства и сохранением проблемно-ориентированного дискурса в отношении молодого поколения, который ведет к расширению форм социальной опеки и социального контроля. Это противоречие проявляется в объективации российской молодежи и студенчества.

Социологи, исследуя нормативно-правовые документы последних лет, указывают на то, что в них молодой человек часто выступает как объект воздействия («речь опять идет о том, что кто-то «важный» будет молодёжь воспитывать») [6, с. 270].

Здесь уместно обратиться к уже процитированному интервью Ю.Р. Вишневого, где он очень емко формулирует то, как старшие поколения могут воспринимать современную молодежь: «молодежь – не хуже и не лучше, она – другая» [2, с. 37]. Далее он подчеркивает, что, несмотря на существование «объективирующего» нормативно-правового дискурса в отношении молодежи, сегодня фиксируется важный тренд, заключающийся в росте субъектности молодого поколения. Опираясь на результаты VIII этапа мониторинга социокультурного развития уральского студенчества, можно наблюдать начавшийся поворот молодежной политики в РФ к субъект-субъектному подходу [7].

Представляется важным сохранять и развивать данный тренд при реализации университетской молодежной политики, в контексте которой происходит переосмысление роли студента, предпринимаются попытки расширения его субъектности.

Второе противоречие между общественной потребностью в развитии солидарности внутри молодого поколения и слабой интегрированностью молодежной политики. Проведенное нами исследование университетских программ развития демонстрирует тот факт, что в России пока не сложилась система единого социализирующего воздействия на молодое поколение [8]. При этом даже внутри одного университета молодой человек сталкивается с целым спектром амбивалентных требований и ожиданий. В одной из работ [9] Ю.Р. Вишневский указывает на тот факт, что коммуникация субъектов социального воспитания с молодым поколением происходит исключительно в «поле» реализации молодежной политики, полностью исчезая в других видах повседневной деятельности. Такая «лоскутность» создает амбивалентность жизненного мира молодого человека, пул ложных личностей, с разными ценностными и этическими наборами принципов.

Третье противоречие связано с недостаточной разработанностью социальных технологий воспитания молодежи, ее социальной интеграции, проектирования будущего и т.д.

Сегодня молодое поколение часто сталкивается с отсутствием как институциональных, так и технологических возможностей для реализации своих идей. При этом, общество также заинтересовано в этих инновациях, т.к. «противоречие возникает между очевидным социальным запросом на изменения и интенсивное развитие и неготовностью к этим изменениям со стороны общества, институциональных структур» [9, Сс. 211]. Несмотря на широкое проникновение, например, проектной деятельности в работу со студенческой молодежью, зачастую она носит имитационный характер [10], направлена не на решение социальных, производственных, научных задач, а представляет скорее симуляцию реальных преобразований [11].

Научная школа профессора Вишневого предлагает реальный механизм преодоления указанного противоречия, формулируя ключевые принципы, на которых должны базироваться технологии работы с молодым поколением. Если обобщать, то это «потребность и возможность акторов оказывать влияние на изменение окружающей среды в лучшую сторону...», и самое главное (на наш взгляд) – «самоорганизующее начало и низовая инициатива участников, однако на дальнейшем этапе важным фактором выступает баланс «поддержка – невмешательство в творческий процесс» [12, с. 61].

Таким образом, социальная технология реализации инициативности молодежи должна базироваться на ее реальных потребностях, наличии возможностей для самоорганизации (например, в рамках общественного объединения) и выстраивании таких границ деятельности, в которых бы эффективно сохранялся баланс «поддержка-невмешательство».

Четвертое противоречие репрезентирует амбивалентность целенаправленной политической социализации молодых россиян. Сегодня российское общество нуждается в расширении спектра гражданской и политической активности молодого поколения. В то же время главные опасения последних десятилетий – это возможность удержать молодое поколение от проявления политического экстремизма и радикализма [13].

Исследования ученых уральской школы социологии молодежи актуализируют тематику противоречивости политической социализации российской молодежи. Они констатируют, с одной стороны, рост политизации молодежи в начале начала 2020-х годов, с другой – реальную политическую отчужденность, особенно характерную для студенчества [9]. Каковы причины такой отчужденности? Для эффективной социальной интеграции молодого поколения нужно отказаться от идеи его перевоспитания,

рассматривая его как полноправного субъекта разработки и реализации молодежной политики, при этом сохраняя выше обозначенный баланс между свободой и контролем. Отсутствие этого комплекса факторов и ведет к деполитизации российского студенчества. «Главное..., насколько реальная политическая жизнь позволяет (или – не позволяет) ей (молодежи) почувствовать себя субъектом политических процессов и перемен, насколько реальные политики вызывают (или – не вызывают) ее доверие, защищают (или – не защищают) ее жизненные интересы..., подтверждают (или опровергают) стереотип «политика – грязное дело» [9, с. 48].

Нельзя обойти вниманием и еще один фундаментальный вывод, сделанный по итогам мониторинга уральского студенчества. Речь идет о феномене доверия, который сегодня в условиях эскалации геополитической напряженности и расширения информационно-психологического воздействия на молодое поколение, становится доминантным фактором воспроизводства российского общества [14]. «На первый план... выходит не негативное или безразличное отношение к политике, не отсутствие интереса к ней, а недоверие ко многим политикам и главное – неуверенность, что личное участие может иметь значение» [9, с. 48]. В этом контексте доверие к молодежи как самостоятельной, способной к решению реальных социальных задач группе, становится доминирующим фактором эффективности молодежной политики и в целом системы общественного воспроизводства.

Наконец, *еще одно противоречие* связано с необходимостью сохранения у молодого поколения общей исторической памяти, позволяющей ему ощущать свою принадлежность к конкретному социокультурному пространству. Рост объемов фейковой информации, исторических фальсификаций, транслируемых инфлюенсерами, чат-ботами, генеративными нейронными сетями ведет к аморфности, слабой структурированности исторического сознания молодежи, а вслед за этим и размыванию гражданской идентичности. При этом доказанным является тот факт, что основой формирования адекватного, культуросообразного исторического сознания является именно историческая память [15].

В данном контексте, вызывает огромный интерес опыт проведения многолетнего всероссийского исследования, посвященного Великой Отечественной войне, непосредственное и активное участие в котором принимали уральские социологи во главе с профессором Ю.Р. Вишневым.

Его замысел заключался не только в анализе социологической информации, но и в разработке управленческих решений, ориентированных

на повышение качества университетской молодежной политики. «Исследовательская инициатива... по изучению отношения студенчества к Великой Отечественной войне призвана дать информацию для принятия эффективных управленческих решений о путях и инструментах реализации гражданско-патриотического воспитания в стране» [3, с. 34]. В данной работе заложена интегральная деятельностьная модель по формированию адекватных ценностных установок студенчества, которая может стать основой университетской молодежной политики.

Говоря о патриотизме, исследователи концептуализируют его как аттитюд, выделяя в нем структурные компоненты: «...потребностно-мотивационный, интеллектуально-чувственный (знания, взгляды, убеждения), поведенческий и волевой» [3, с. 34]. Это позволяет уйти от абстрактных слабо операционализируемых понятий и создает условия для разработки доказательных социальных технологий развития патриотических установок студентов. Не останавливаясь на этом, авторы идут дальше, используя для расширения модели концепт капитала П. Бурдьё [16]. Такой подход позволяет не только определить исторический контент, который должен транслироваться молодежи и быть связанным с «приобретением индивидом в процессе социализации важных для его семьи, нации, страны знаний об исторических событиях и фактах и формированием эмоционально-чувственного отношения к ним», но и зафиксировать символы окружающей молодого человека среды, отражающие «культурный капитал общества, нации», а также сформировать систему «общественно-значимых ритуалов, посвященных историческим событиям» [3, с. 35]. Такой подход позволяет избежать популистского дискурса, чрезмерного упрощения данного социального процесса.

Можно констатировать, что в работах уральской школы социологии молодежи сформулированы важные принципы социального управления интеграцией студенческой молодежи в социокультурном контексте современности, которые будут представлены ниже.

Управленческие принципы проектирования национально-ориентированной молодежной политики

1. *Принцип сфокусированности молодежной политики на российском студенчестве.* Сегодня в условиях атомизации молодого поколения, оптимальной выглядит стратегия сочетания модели

«социальной молодежной политики», ориентированной на всех молодых россиян, и «молодежной политики социального воспитания», которая должна быть сфокусирована на «ядре» молодого поколения, доступ к которому в условиях виртуализации наименее затруднен. Таким ядром является российское студенчество. С одной стороны, система образования остается доминантным социальным лифтом для молодого поколения, с другой – пространство техникума или университета может стать адекватным «полигоном» тестирования социальных навыков, проектной активности, гражданского участия молодых людей. Именно студенческая молодежь является основным драйвером социального развития [7], и на нее должно быть направлено стратегическое социально-воспитательное воздействие. Это ставит задачу разработки единой модели университетской молодежной политики в России, которая позволила бы задать общий вектор социализирующих воздействий на молодое поколение. В основе нее должна лежать идея университета как «переходного» пространства между детством и взрослостью, в котором происходит актуализация и развитие ценностей, национально-ориентированной идентичности, эффективных поведенческих практик повышения качества жизни (на индивидуальном, групповом и социальном уровнях).

2. *Принцип управляемой субъектности молодежи.* Тематика субъектности молодежи актуализируется в исследованиях российских социологов достаточно давно. В то же время практически отсутствуют исследования, ориентированные на описание социальных механизмов развития такой субъектности. Попытки дать молодому поколению своеобразный социально-политический карт-бланш, как это было, например, с движением «Наши», в действительности не способствовали ни интеграции молодого поколения, ни повышению уровня межпоколенческой солидарности в российском обществе. Выше мы уже обращались к идеям уральских социологов, указавших на важность сохранения баланса между поддержкой молодежи и невмешательством в процесс ее социального творчества. Именно эта идея и является основой данного принципа. Наиболее успешно она может быть реализована именно в пространстве российской системы образования, где в процессе учебной и внеучебной деятельности возможно создание своеобразных «социальных песочниц», в которых молодые люди могут тестировать реальность и механизмы ее конструктивного преобразования. Здесь кажется возможным синтезировать идеи школы Вишневого с теоретико-методологическими

идеями советской психологии развития. В частности, концепция «зоны ближайшего развития», сформулированная еще Выготским Л.С. [17], позволяет адекватно находить искомый баланс, создавая реальные пространства управляемой субъектности молодежи. Для реализации данного принципа в российских университетах должны появиться площадки, где студенческая молодежь, с одной стороны, сможет полноценно реализовывать свой инновационный потенциал, а с другой, – получать квалифицированную, рефлексивную обратную связь по результатам собственной деятельности. Именно в такой логике видится реализация императива о «поддержке-невмешательстве», сформулированного профессором Ю.Р. Вишневым. В свою очередь, это выдвигает новые требования к компетенциям преподавателей и специалистов, реализующих молодежную политику, которые из позиции всезнающих менторов должны постепенно переходить к роли наставников, сопровождающих процесс взросления студента.

3. *Принцип формирования национально-ориентированного исторического сознания молодежи.* Сегодня в ситуации разрушения традиционных институтов и механизмов социализации возникает необходимость определения точек приложения усилий, которые позволили бы сохранить межпоколенческую солидарность, что является неотъемлемым атрибутом общественного воспроизводства. Одной из них может стать развитие общей для россиян модели историчности, ведущей к межпоколенческой интеграции на символическом уровне. Способность видеть и эмоционально ощущать динамику развития своей страны, города, семьи является важным компонентом патриотических ценностей, гражданской идентичности. При этом важно, что такое сознание не предполагает бездумной интериоризации пропагандистских лозунгов, речь идет о критическом восприятии исторического прошлого и настоящего, что позволяет синтезировать опыт разных поколений в единую символическую и темпоральную структуру. Молодой человек должен смотреть на свою страну и ее историю, испытывая «гордость ее достижениями», но при этом быть готовым к «критике недостатков на основе знания и понимания национальных особенностей» [3, с. 35]. В этом глубинная идея формирования критического, но одновременно и порождающего идеи для общественного развития исторического сознания молодежи. Сегодня в российских университетах, не смотря на появление отдельных проектов в области формирования исторического сознания студентов, не хватает системных действий в этом направлении. Представляется, что такая система

может возникнуть в процессе интеграции учебной и внеучебной деятельности, синхронизации образовательных дисциплин по истории, социологии, основам российской государственности и т. д. и таких студенческих активностей, как добровольчество, обучение служением и др.

4. *Принцип доказательности социальных технологий работы с молодежью.* Осмысление противоречий в сфере работы с молодым поколением, представленное выше, ставит важную задачу создания нового методологического инструментария для разработки адекватных современности социальных технологий молодежной политики. Сегодня значительное число проектов в области социального воспитания чаще всего не поддается оценке эффективности. В то же время такие технологии активно разрабатываются крупными бизнес-корпорациями для более эффективного манипулирования поведением подростков и молодежи. В процессе написания данной статьи был опубликован аналитический отчет, в котором на основе рассекреченных документов, подтверждается факт того, что крупные информационные корпорации разрабатывали свои продукты таким образом, чтобы вызвать зависимость к социальным сетям у подростков и молодежи⁶. Сегодня в российских университетах реализуется значительное число проектов и мероприятий в области социальной работы с молодежью, при этом основная их часть не предполагает доказательности и сбора данных, подтверждающих эффективность. Решением видится разработка и принятие российскими университетами стандарта в области реализации социальных и воспитательных технологий работы со студенчеством, опирающихся на принципы доказательности и воспроизводимости.

5. *Принцип междисциплинарности исследований молодежи и молодежной политики.* В условиях развития технологий искусственного интеллекта, больших данных, новых алгоритмов и их анализа на первое место выходит междисциплинарность, позволяющая увидеть социальные феномены через призму различных теоретико-методологических подходов. Представляется, что область исследований молодежи должна включать в себя не только классические социологические теории и методы, но и обогащаться новыми идеями и теориями из сферы нейробиологии, когнитивистики, психоанализа, поведенческой экономики, анализа цифровых следов и больших данных. Достаточно познакомиться с методологическим

⁶ Tech oversight report: unsealed court documents show teen addiction was big tech's "top priority". URL: <https://techoversight.org/2026/01/25/top-report-mdl-jan-25/> (дата обращения: 06.02.2026)

аппаратом мониторинга уральского студенчества, чтобы увидеть широкую палитру подходов к изучению разных аспектов жизни молодого человека, которую используют исследователи. В данном случае речь идет не о бездумной компиляции теорий, подходов, методов, а скорее об «обогащении» классических социологических подходов новыми идеями, концептами, продуктивными метафорами. Расширение числа методов исследования молодежи позволит провести своеобразную триангуляцию знаний о социальном развитии молодежи с учетом особенностей современных процессов цифровизации, виртуализации, эскалации риска и неопределенности. Реализация этого принципа становится возможной именно в пространстве российского университетского образования. Сегодня как никогда актуальна разработка всероссийских мониторингов студенчества (по типу мониторинга уральского студенчества) по самым разным направлениям, спроектированных в одной теоретико-методологической и методической логике. Создание такого междисциплинарного инструментария и запуск его в значительной части российских вузов позволит осуществить комплексный анализ жизненных траекторий траекторий студенчества как «ядерной» группы российской молодежи.

Заключение

Особенности развития современного российского общества актуализируют молодежную проблематику, что обусловлено ростом виртуализации, гибридизации повседневности, эскалацией геополитической напряженности. В этом контексте на первое место выходит задача социального управления процессом общественного воспроизводства, развитием поколенческого потенциала молодежи, формирования у нее национально-ориентированной идентичности. Особую роль здесь играет молодежная политика как целенаправленная деятельность государства и общества по социальной интеграции молодого поколения.

Проведенное исследование позволило выделить ключевые этапы развития молодежной политики в России, определить основные противоречия, снижающие ее эффективность. С опорой на работы уральской школы социологии молодежи, лидером которой являлся профессор Ю.Р. Вишневский, в статье сформулированы ключевые управленческие принципы реализации национально-ориентированной молодежной политики в условиях цифровизации и эскалации геополитической напряженности. Основу предлагаемого подхода составляет идея о доминирующей роли

университета в процессе социального становления молодого человека, который рассматривается как «переходное пространство» между юностью и взрослостью, как своеобразный социальный «полигон» формирования и тестирования национально-ориентированных идентичности и исторического сознания, эффективных практик и форматов взаимодействия. Это, в свою очередь, становится возможным, если в университете созданы условия для сохранения баланса между «поддержкой и невмешательством» в студенческую активность, что позволяет управлять развитием субъектности молодого человека. При этом важнейшей задачей социологической науки является постоянный поиск и апробация доказательных технологий социального воспитания студенчества. В этом контексте представляется продуктивной идея создания фундаментальной базы знаний в области российской социологии молодежи и молодежной политики, доступ к которой мог бы иметь любой исследователь. При этом, осознавая степень развития технологий машинного обучения и нейронных сетей, такая база знаний могла бы быть проиндексирована алгоритмами искусственного интеллекта, что позволило бы получать концепции, идеи, выводы по всему массиву фундаментальных и эмпирических исследований и публикаций, проведенных и изданных к настоящему моменту.

Список литературы:

1. *Тоценко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
2. *Докторов Б.З.* Вишневский Ю.Р. : “В сложных ситуациях я постоянно думаю, как много на моем пути встречалось людей, которые многому меня научили” (две беседы с Б.З. Докторовым) / Не расстанусь с молодежью, буду... : сб. науч. статей к 80-летию проф. Ю. Р. Вишневского / [под общ. ред. Ю. Р. Вишневского; отв. за вып. Д. Ю. Нархов]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 20-56.
3. *Вишневский Ю. Р., Мансуров В. А., Кульминская А. В.* Студенчество о Великой Отечественной войне: результаты федерального исследования Российского общества социологов (2005–2025 гг.) // Социологические исследования. 2025. № 7. С. 33-46. DOI 10.31857/S0132162525070043
4. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: особенности социального регулирования // Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики: монография. Белгород: ООО Эпицентр, 2021. С. 24-27.
5. *Федулов А.Б., Обуховский В.А.* Открытые молодежные пространства как современный тренд молодежной политики и актуальный формат работы с молодежью. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/5171> (дата обращения: 02.02.2026)
6. *Подьячев К.В., Халий И.А.* Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии //

Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. №2. С. 263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276.

7. Вишнеvский Ю. Р., Певная М. В. Жизненный мир студенчества: от государственного регулирования к активным практикам // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 3. С. 5-16. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-0-1.

8. Смирнов В.А. Репрезентация молодежной политики в программах стратегического развития российских университетов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2025. № 2. С. 69–86. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2025-3-2-69-86.

9. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995–2020 гг.): монография / [под общ. ред. Ю.Р. Вишнеvского]; М-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 211 с.

10. Тошченко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 22-36.

11. Смирнов В.А. Молодежная политика как сфера воспроизводства имитации. Вестник РГГУ. Серия Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. №4(126). С. 204-213.

12. Дидковская Я. В., Вишнеvский Ю. Р., Нотман О. В. Молодежные креативные локальности как объект социологического исследования // Социологические исследования. 2025. № 3. С. 54-64. (61) DOI 10.31857/S0132162525030052

13. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. №5. С. 12-23.

14. Смирнов В. А. Доверие общественно-политическим институтам: сравнительный анализ оценок молодежи старых и новых российских регионов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27, № 2. С. 330–340.

15. Тошченко Ж.Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 18–22. DOI: 10.31857/S013216250009419-3.

16. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001 г. 562 с.

17. Зарецкий В.К. Зона ближайшего развития: эволюция понятия // Культурно-историческая психология. 2024. Т. 20, № 3. С. 45–57. DOI: 10.17759/chp.2024200305

References

1. Toshchenko Zh.T. Fantomy rossijskogo obshchestva [The phantoms of Russian society]. M.: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga. 2015 (In Russ.)

2. Doktorov B.Z. Vishnevskij YU.R. : “V slozhnyh situacijah ya postoyanno dumayu, kak mnogo na moem puti vstrechalos' lyudej, kotorye mnogomu menya nauchili” (dve besedy s B.Z. Doktorovym) / Ne rasstanus' s molodezh'yu, budu... [Vishnevsky Yu.R.: “In difficult situations, I constantly think about how many people I met on my way who taught me a lot” (two conversations with B.Z. Doktorov) / I will not part with the youth, I will...]: sb. nauch. statej k 80-letiyu prof. YU. R. Vishnevskogo / [pod obshch. red. YU. R. Vishnevskogo;

otv. za vyp. D. YU. Narhov]. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un- ta, 2018, pp. 20-56 (In Russ.)

3. Vishnevskij Yu. R., Mansurov V. A., Kul'minskaya A. V. Studenchestvo o Velikoj Otechestvennoj vojne: rezul'taty federal'nogo issledovaniya Rossijskogo obshchestva sociologov (2005–2025 gg.) [Students on the Great Patriotic War: Results of the Federal Research of the Russian Society of Sociologists (2005–2025)]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2025, nr 7, pp. 33-46. DOI 10.31857/S0132162525070043 (In Russ.)

4. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Zhiznedejatel'nost' molodezhi v izmenyayushchejsya real'nosti: osobennosti social'nogo regulirovaniya [Youth Life Activities in a Changing Reality: Features of Social Regulation]. Samoregulyaciya zhiznedejatel'nosti molodezhi: metodologiya i social'nye praktiki: monografiya. Belgorod: OOO Epicentr, 2021, pp. 24-27 (In Russ.)

5. Fedulov A.B., Obuhovskij V.A. Otkrytye molodezhnye prostranstva kak sovremennyy trend molodezhnoj politiki i aktual'nyj format raboty s molodezh'yu. [Open Youth Spaces as a Modern Trend in Youth Policy and an Actual Format for Working with Youth]. 2023. Available at: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/5171> (accessed: 02.02.2026) (In Russ.)

6. Pod'yachev K.V., Halij I.A. Gosudarstvennaya molodyozhnaya politika v sovremennoj Rossii: koncept i realii [State Youth Policy in Modern Russia: Concept and Realities]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 2020, vol. 20, nr 2, pp. 263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276. (In Russ.)

7. Vishnevskij Yu. R., Pevnaya M. V. Zhiznennyj mir studenchestva: ot gosudarstvennogo regulirovaniya k aktivnym praktikam [The Life World of Students: From State Regulation to Active Practices]. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*, 2024, vol. 10, nr 3, pp. 5-16. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-0-1 (In Russ.)

8. Smirnov V.A. Rerezentaciya molodezhnoj politiki v programmah strategicheskogo razvitiya rossijskih universitetov [Representation of Youth Policy in the Strategic Development Programs of Russian Universities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 2025, nr 2, pp. 69–86. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2025-3-2-69-86 (In Russ.)

9. *Molodezh' o budushchem Rossii i o sebe: vyzovy nastoyashchego i konstruirovaniye gorizontov gryadushchego (po materialam VIII etapa monitoringa dinamiki sociokul'turnogo razvitiya ural'skogo studenchestva 1995–2020 gg.)* [Youth on the Future of Russia and on themselves: Challenges of the Present and the Construction of the Horizons of the Future (Based on the Materials of the VIII Stage of Monitoring the Dynamics of the Sociocultural Development of the Ural Student Population, 1995–2020): Monograph] / [Edited by Yu. R. Vishnevskij]; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2021. (In Russ.)

10. Toshchenko Zh.T. Novye liki deyatel'nosti: imitaciya [New Faces of Activity: Imitation.]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2012, nr 12, pp. 22-36 (In Russ.)

11. Smirnov V.A. Molodezhnaya politika kak sfera vosproizvodstva imitacii [Youth policy as a sphere of imitation reproduction]. *Vestnik RGGU. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie*, 2014, nr 4(126), pp. 204-213 (In Russ.)

12. Didkovskaya Ya. V., Vishnevskij Yu. R., Notman O. V. Molodezhnye kreativnye lokal'nosti kak ob'ekt sociologicheskogo issledovaniya [Youth Creative Localities as an Object of Sociological Research]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2025, nr 3, pp. 54-64. DOI 10.31857/S0132162525030052 (In Russ.)
13. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Molodezhnyj ekstremizm. Sushchnost' i osobennosti proyavleniya [Youth Extremism. Essence and Features of Manifestation]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2008, nr 5, pp. 12-23 (In Russ.)
14. Smirnov V. A. Doverie obshchestvenno-politicheskim institutam: sravnitel'nyj analiz ocenok molodezhi staryh i novyh rossijskih regionov [Trust in socio-political institutions: a comparative analysis of youth assessments of old and new Russian regions]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 2025, vol. 27, nr 2, pp. 330–340 (In Russ.)
15. Toshchenko Zh.T. CHto proiskhodit s istoricheskoy pamyat'yu o Velikoj Otechestvennoj vojne? [What is happening with the historical memory of the Great Patriotic War?]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2020, nr 5, pp. 18–22. DOI: 10.31857/S013216250009419-3 (In Russ.)
16. Burd'e P. Prakticheskij smysl [The Practical Sense]. SPb.: Aletejya, 2001(In Russ.)
17. Zareckij V.K. Zona blizhajshego razvitiya: evolyuciya ponyatiya [The Zone of Proximal Development: The Evolution of the Concept]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*, 2024, vol. 20, nr 3, pp. 45—57. DOI: 10.17759/chp.2024200305 (In Russ.)

Информация об авторе/Information about author:

Смирнов Владимир Алексеевич, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, kano_igt@mail.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, kano_igt@mail.ru